Ам Эмберг

Египет. Сердце Земли

Ам Эмберг
Египет - Сердце Земли

https://litres.ru/75027693
SelfPub; 2026

Аннотация

Египет, май 1928 года. Археолог Карим Мансур получает письмо, которое приводит его к раскопкам у плато Гизы. За древним камнем экспедиция обнаруживает не гробницу и не сокровищницу, а подземный город с неизвестными механизмами, следами исчезнувшей цивилизации и человеком, который пролежал во сне тысячи лет.

Его зовут Аменхар. Он пришёл из далёкого мира и знает тайну врат, скрытых под пирамидами. Первый переход открывает Кариму и его спутникам путь на другую планету, где среди руин древней державы ещё живут наследники её создателей. Но чем больше они узнают о прошлом, тем яснее становится: катастрофа, уничтожившая сеть миров, могла начаться из-за желания подчинить чужие народы.

Когда жажда наживы ставит открытие под угрозу, экспедиции предстоит выбрать между величайшим открытием эпохи и безопасностью целых миров.

«Египет. Сердце Земли» — приключенческая научная фантастика о тайнах древности, цене власти и ответственности за знания, способные изменить судьбу человечества.

Содержание

Пролог. Последний хранитель 4
Глава 1. Письмо из Каира 8
Глава 2. Под солнцем Египта 19
Глава 3. Загадка Великого сфинкса 34
Глава 4. Камень, которого не должно быть 48
Глава 5. Ночные огни Гизы 60
Глава 6. За каменной дверью 71
Глава 7. Спуск в неизвестность 84
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Ам Эмберг
Египет - Сердце Земли

Пролог. Последний хранитель

В ту ночь ветер дул с запада. Песок шуршал по известняковой облицовке пирамиды, а далеко внизу, над долиной Нила, мерцали редкие огни.

Аменхар задержался у входа в подземелье. Ему хотелось ещё раз увидеть звёзды не на измерительном приборе, а такими, какими видели их люди.

— Господин, — окликнул его Хеми, — рабочие ушли. Каменщики ждут только моего распоряжения.

— Пусть возвращаются утром. На сегодня работы закончены.

— А завтра?

Аменхар не ответил. Он снял с шеи небольшую пластину из тёмного металла и протянул её египтянину.

— Сохрани. Если мои расчёты верны, она понадобится не тебе и даже не твоим внукам.

Хеми повертел пластину в руках.

— Ты опять говоришь так, будто человеческая жизнь длится один день.

— Иногда мне кажется, что вы лучше нас понимаете цену

времени.

— Потому что у нас его мало, — возразил Хеми.

Они спустились по лестнице. За последним поворотом исчез свет звёзд, и в стенах один за другим зажглись бледные огни. Хеми, много лет работавший с Аменхаром, всё ещё не привык к свету, который не нуждался ни в масле, ни в фитиле.

Внизу начинался город. За прозрачными перегородками стояли опустевшие лаборатории, а вдоль широкого коридора тянулись трубы, по которым когда-то текла вода. Теперь слышался лишь гул вентиляции.

В центральном зале Аменхар подошёл к прибору. Три светлые полосы на его поверхности медленно сокращались. Доступного запаса энергии хватило бы ещё на один переход. Неприкосновенный резерв оставался изолированным.

Из небольшого устройства на столе донёсся голос. Хеми не понял слов, но заметил, как изменилось лицо его спутника.

— Ты должен уйти, — сказал Аменхар.

— Что случилось?

— Мне приказано открыть проход.

— Разве не для этого мы столько лет трудились?

— Для этого. Но я не знаю, кто теперь ждёт на другой стороне.

Хеми посмотрел на огромное кольцо, занимавшее дальнюю часть зала. Он видел, как через него проходили люди,

как исчезали нагруженные ящики и возвращались путешественники с диковинными растениями. Ни разу прежде он не видел, чтобы Аменхар боялся приблизиться к нему.

— Тогда не открывай, — сказал он.

Аменхар невесело усмехнулся.

— Ты удивительно просто решаешь вопросы, над которыми мой народ спорит уже много лет.

— Потому что это моя земля.

— Именно поэтому я и останусь.

Он отключил первый контур врат. Гул ослабел. Затем второй. На приборе осталась одна светлая полоса — показатель изолированного резерва. Капсула питалась от отдельного источника.

Хеми проводил его до помещения, где стояла длинная прозрачная капсула.

— Сколько ты будешь спать?

— Возможно, триста лет.

— Значит, мы больше не увидимся.

— Нет, Хеми.

Египтянин помолчал, потом положил ладонь на край капсулы.

— Я скажу сыну, где искать тебя. Но если ты не проснёшься, он не станет открывать дверь.

— Правильно. Никто не должен открывать её силой.

Хеми ушёл, унося металлическую пластину. По просьбе Аменхара он спрятал её в нише дома хранителя, среди се-

мейных вещей, чтобы сохранить до его возвращения. Аменхар дождался, пока прибор подтвердит, что наружный проход закрыт. Затем он записал последнее сообщение на своём языке и лёг в капсулу.

Крышка опустилась. Свет в помещении погас.

В глубине города ещё долго работал небольшой прибор, отсчитывая время до пробуждения хранителя. Перед рассветом в цепи управления капсулой возникла неисправность. Система поддержания жизни продолжала работать, но отсчёт времени до пробуждения остановился.

А над подземным городом три пирамиды встретили новый день.

Часть I. Тайна песков

Глава 1. Письмо из Каира

Александрия, май 1928 года.

В то утро Средиземное море было неспокойно. Волны разбивались о каменную набережную Александрии, забрасывая солёными брызгами прохожих. Рыбаки торопились убрать сети, торговцы открывали лавки, а по мостовой, звеня колокольчиком, медленно двигался переполненный трамвай.

Карим Мансур сидел у раскрытого окна своего кабинета и рассматривал обломок известняковой плиты, доставленный накануне с раскопок.

Ему предстояло установить происхождение нескольких плохо сохранившихся надписей. Работа обещала занять не меньше недели, хотя сам Карим подозревал, что потратит на неё значительно больше времени.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите.

На пороге появилась Фатима, его младшая сестра.

— Тебе письмо из Каира.

— Положи на стол.

— Оно от профессора Фарука.

Карим отложил увеличительное стекло.

Профессор Ахмед Фарук был человеком, который никогда не писал без серьёзной причины. Даже поздравления по случаю праздников он предпочитал передавать через общих

знакомых.

Карим вскрыл конверт.

Письмо состояло из двух листков. На первом профессор сообщал, что получил разрешение на обследование участка древней кладки в Гизе и приглашает своего бывшего ученика принять участие в работе. На втором находился рисунок, выполненный тушью: три окружности, соединённые линиями с четвёртой, гораздо меньшей. Под рисунком стояло несколько иероглифов.

«Приезжайте, если можете, к четвергу. Объяснения по почте считаю преждевременными. Особенно прошу не публиковать приложенную копию».

Карим перечитал последние строки.

— Опять пустыня? — спросила Фатима.

— По всей видимости.

— Тогда забери из мастерской свои ботинки. Ты оставил их там ещё зимой.

Она ушла, а Карим придвинул к окну рисунок. На первый взгляд в нём не было ничего особенно примечательного. Египтяне изображали небесные светила, водоёмы и планы сооружений с помощью геометрических фигур. Однако здесь линии заканчивались одинаковыми маленькими поперечными штрихами. Они были расположены с такой правильностью, что Карим достал циркуль.

Расстояния между штрихами оказались равными.

Он перевернул лист. На обороте профессор написал ка-

рандашом: «Копия в натуральную величину».

Карим взял линейку. Диаметры окружностей составляли сорок, тридцать и двадцать миллиметров. Четвёртая имела диаметр десять миллиметров. Это могло быть совпадением или следствием аккуратности человека, сделавшего копию. Но Фарук не стал бы посылать письмо из-за одного геометрического рисунка.

Под окружностями читались знаки, обозначавшие землю, дверь и нечто, что Карим поначалу принял за слово «дыхание». Последний знак был изображён непривычно: вместо обычных очертаний художник воспроизвёл две параллельные черты, соединённые короткими перемычками.

Карим записал возможные толкования в тетрадь и отправился в музей.

На улицах уже становилось жарко. У дверей кофейни спорили о политике, из булочной тянуло запахом свежего хлеба, а у перекрёстка возница бранился с водителем автомобиля. Карим миновал их, не замедляя шага. В музейном архиве хранились копии надписей, собранных во время прежних исследований некрополя Гизы. Если профессор обнаружил что-то новое, следовало прежде всего убедиться, что оно действительно новое.

Архивист, господин Рашид, встретил его за длинным столом, заваленным папками.

— Вы ведь обещали закончить плиту к концу месяца.

— Закончу. Мне нужны старые планы восточной части

плато Гизы.

— Все?

— Для начала те, на которых обозначены хозяйственные постройки и поздние погребения.

Рашид снял очки.

— Когда археолог говорит «для начала», я знаю, что обедать сегодня буду поздно.

Они принялись за работу. К полудню Карим просмотрел несколько десятков листов. На одних были обозначены шахты, на других — остатки стен, давно скрытые песком. Некоторые планы противоречили друг другу. Он нашёл два изображения окружностей, но ни одно не походило на рисунок, присланный Фаруком.

В папке с разрозненными копиями надписей обнаружился любопытный лист. На нём был изображён человек перед дверью, над которой художник поместил три круглых знака. Датировка отсутствовала. Карим показал лист архивисту.

— Откуда это?

Рашид поискал запись в описи.

— Передано музею частным лицом. Восемь лет назад. Место находки не установлено.

— А имя владельца?

— Здесь только инициалы. М. А.

Карим переписал номер листа и вернул его в папку. Одного сходства между рисунками было недостаточно для каких-либо выводов. В египетском искусстве повторялись ты-

сячи символов, и нетерпеливый исследователь мог отыскать подтверждение почти любой своей догадке.

Выйдя из архива, он направился в почтовое отделение и отправил профессору телеграмму: «Прибуду в среду. Мансур».

* * *

Вечером к Кариму пришёл Юсуф Халиль. Он принёс свёрток с финиками и сразу потребовал показать письмо.

— Фарук приглашает и тебя? — спросил Карим.

— Нет. Но вчера мне предложили работу в Гизе. Через контору господина Азиза.

— Промышленника?

— Другого Азиза, способного платить археологам, я не знаю.

Юсуф развернул свёрток и взял финик.

— Они нанимают рабочих, закупают канаты, насосы, электрические кабели. Заказали даже небольшой бензиновый двигатель. Для обычной расчистки могилы это несколько щедро.

— Насосы могут понадобиться при обследовании затопленной шахты.

— Могут. Только мне сказали взять с собой людей, умеющих работать в тесных проходах.

Карим показал рисунок.

Юсуф долго смотрел на него, затем повернул лист боком.

— Похож на план водопровода.

— Ты первый человек, который не увидел здесь религиозного символа.

— Потому что я два месяца прокладывал трубы в лагере, пока ты изучал надписи.

— Поедем вместе?

— Если профессор не возражает. Я собирался выехать в четверг, но могу и раньше.

Фатима принесла чай. Услышав разговор о насосах, она поинтересовалась, не собираются ли друзья снова спускаться в колодцы.

— Пока собираемся только в поезд, — ответил Юсуф.

— С вами никогда не бывает «только».

Карим улыбнулся. Он знал Юсуфа почти пятнадцать лет. Они познакомились ещё молодыми сотрудниками экспедиции, когда по ошибке получили один и тот же ящик инструментов. С тех пор им приходилось делить палатки, скудные запасы воды и ответственность за чужие промахи. Юсуф не стеснялся признаться, что ему страшно, но никогда не бросал товарищей в беде.

После его ухода Карим достал дорожный чемодан. В него отправились одежда, записные книжки, компас, складной метр, лупа и небольшой фотоаппарат. Рисунок он вложил в папку между двумя листами картона.

Перед сном он ещё раз прочитал письмо. Его беспокоило не содержание, а тон. Фарук всегда подробно объяснял, чего ожидает от сотрудников. На этот раз профессор словно опа-

сался изложить на бумаге самое существенное.

* * *

Утром в среду на вокзале было шумно. Носильщики сновали между пассажирами, над платформой висел дым, и из открытых окон вагонов доносились голоса.

Юсуф явился с двумя чемоданами и мешком, в котором, по его словам, находились исключительно необходимые вещи. Из мешка торчала рукоятка молотка.

— Если мы едем к профессору, — заметил Карим, — молоток нам вряд ли понадобится в поезде.

— Зато я буду знать, где он.

Они заняли места у окна. Паровоз тронулся, и вскоре городские дома уступили место полям. За каналами тянулись зелёные полосы посевов; на берегах стояли пальмы, крестьяне вели по тропам буйволов. Чем дальше поезд уходил от моря, тем суше становился воздух.

Карим любил эту дорогу. Египет, который иностранные путешественники нередко представляли сплошной пустыней, здесь открывался совсем другим: трудолюбивым, густонаселённым, подчинённым древнему ритму разливов и земледельческих работ. Древние памятники были лишь одной частью страны, и Кариму всегда казалось странным, что люди приезжали издалека ради мёртвых царей, почти не замечая живых египтян.

На одной из станций в вагон вошёл пожилой торговец с корзиной. Он сел напротив и, заметив папку Карима, спро-

сил, не учитель ли тот.

— Археолог.

— Тогда скажите, господин археолог, почему в старых могилах столько золота, а у тех, кто их раскапывает, его нет?

— Потому что золото принадлежит не археологам.

— Разумный ответ. Жаль, что не всем он нравится.

Торговец угостил попутчиков апельсинами и сошёл на следующей станции. Юсуф проводил его взглядом.

— Вот человек, которого следовало бы познакомить с Азизом.

— Ты уже решил, что он негодяй?

— Нет. Я решил, что богатый человек не станет тратить деньги без причины. Хотелось бы знать эту причину.

Карим согласился. Само по себе участие промышленника в финансировании раскопок не казалось ему подозрительным. Без частных средств многие полезные работы так и остались бы на бумаге. Но интерес промышленника к насосам, кабелям и закрытому участку раскопок требовал объяснения.

К Каиру они приблизились после полудня. За окном появились мастерские, склады, плотные ряды домов. Поезд замедлил ход. Юсуф поднялся и принялся вытаскивать багаж.

На платформе их никто не встречал. Карим купил газету, пока товарищ договаривался с извозчиком. Затем они отправились по адресу, указанному профессором.

* * *

Фарук занимал несколько комнат в доме неподалёку от музея. Дверь открыла служанка и сообщила, что профессор вернётся только вечером. Он оставил для Карима записку и попросил не ждать его дома, а устроиться в гостинице.

В записке значилось: «Завтра, восемь часов утра. Привезите копию рисунка. Если Халиль с вами, пусть приходит тоже».

— Вот видишь, — сказал Юсуф. — Я даже не успел попроситься.

Они оставили вещи в гостинице. Карим решил воспользоваться свободным временем и посетить музей, но у входа его окликнул незнакомый мужчина в светлом костюме.

— Господин Мансур?

— Да.

— Меня зовут Набиль. Я механик. Работаю у господина Азиза. Мне поручено передать вам это.

Он протянул конверт с приглашением на ужин. Карим не стал вскрывать его сразу.

— Откуда вы знаете, что я здесь?

— Профессор сообщил нашей конторе о вашем приезде. Я заходил к нему сегодня. Его служанка сказала, в какой гостинице вы остановились, а портье подсказал, что вы отправились в музей.

Объяснение было вполне обыкновенным. Карим поблагодарил механика и спросил, давно ли тот работает на раскопках.

— На раскопках впервые. До этого обслуживал машины на фабрике. Здесь мне обещали интересную работу, только пока никто толком не объяснил какую.

— А вы видели место?

— Нет. Оборудование ещё на складе. Завтра повезём часть в Гизу.

Набиль попрощался. В конверте оказалось приглашение от Махмуда Азиза, написанное в учтивых выражениях. Промышленник желал познакомиться с новым сотрудником экспедиции.

Карим решил не отказываться. Ему хотелось услышать от самого Азиза, что тот рассчитывает найти в пустыне.

Ужин состоялся в просторной столовой с высокими окнами. Хозяин оказался невысоким, широкоплечим мужчиной с аккуратно подстриженными усами. Он говорил негромко и не любил долгих вступлений.

— Профессор высоко ценит ваши способности, господин Мансур. Мне приятно, что вы приняли его приглашение.

— Благодарю. Пока я даже не знаю, что именно предстоит исследовать.

— Старые сооружения. Не исключено, что под ними есть помещения, о которых прежде не знали.

— Вы интересуетесь археологией?

— Я интересуюсь тем, что Египет способен сделать собственными силами. Согласитесь, странно, когда наша история известна миру преимущественно по трудам иностран-

ных учёных.

— В таком случае у нас общая цель.

Азиз улыбнулся.

— Надеюсь. Но я также инженер по образованию. Меня всегда занимало, каким образом древние строители решали задачи, которые и сегодня требуют немалых усилий.

Разговор перешёл к каменоломням, перевозке тяжёлых грузов и стоимости раскопок. Азиз задавал разумные вопросы. Он не упоминал ни сокровищ, ни тайных гробниц, ни чудесных знаний жрецов. И всё же, когда Карим спросил о предполагаемых подземных помещениях, хозяин ответил не сразу.

— Если профессор прав, — произнёс он наконец, — нас ждёт открытие, имеющее значение не только для археологии.

— В каком смысле?

— Лучше дождаться его объяснений. Не хочу присваивать себе чужие догадки.

Возвращаясь в гостиницу, Карим размышлял над этой фразой. Она была почти столь же неопределённой, как письмо Фарука.

Юсуф уже спал. На столе лежала записка от портье: профессор просил Карима утром не опаздывать. Карим завёл будильник, убрал папку в чемодан и погасил лампу.

До встречи оставалось девять часов. Впервые за долгое время ему хотелось, чтобы ночь прошла скорее.

Глава 2. Под солнцем Египта

На следующее утро, в четверг, без четверти восемь Карим и Юсуф уже стояли перед домом профессора Фарука. Ночной ветер разогнал пыль, и Каир на короткое время приобрёл ту удивительную свежесть, которая исчезала, едва начинался дневной зной. По улице проехал молочник, позвякивая бидонами. Из открытых окон соседнего дома доносились звуки граммофона.

— Если он предложит нам провести лето в какой-нибудь гробнице, — сказал Юсуф, — я потребую, чтобы в договор внесли ежедневную порцию льда.

— Сначала добейся, чтобы тебя вообще приняли на работу.

Дверь распахнулась прежде, чем Карим успел постучать. Ахмед Фарук, в жилете и с закатанными рукавами рубашки, выглядел так, словно занимался переноской мебели. На его седых волосах белела известковая пыль.

— Наконец-то! Входите. Только не трогайте ящик в прихожей: у него отваливается дно.

В кабинете профессора почти не осталось свободного места. На письменном столе лежали свёрнутые планы, на диване — деревянные футляры с инструментами, а два кресла занимали стопки книг. Фарук освободил стулья и попросил Карима достать присланный рисунок.

— Что скажете?

— Четыре окружности. Их диаметры относятся как четыре, три, два и один. Слишком правильное соотношение для случайного рисунка. Но я не знаю, что оно обозначает.

— Прекрасно. Вы не знаете. Это уже гораздо лучше тех объяснений, которые я слышал за последние две недели.

Карим рассказал о находке в александрийском архиве и об инициалах дарителя. Профессор выслушал его, постукивая карандашом по столу.

— Махмуд Азиз? Возможно. Он давно собирает копии древних надписей. Спросим его при случае. А теперь познакомьтесь с человеком, который первым обратил внимание на наш рисунок.

У окна сидела молодая женщина в светлой блузке. До сих пор она была занята сравнением двух фотографических отпечатков и лишь теперь подняла голову.

— Лейла Хасан, — представилась она. — Профессор несколько преувеличивает мои заслуги. Рисунок заметил рабочий. Я только убедила его не выбрасывать камень.

— И правильно сделали, — ответил Карим. — Вы читали надпись под окружностями?

— Пыталась. Но, судя по вашим замечаниям, вы уже успели превратить её в задачу по геометрии.

— Разве одно мешает другому?

— Иногда мешает. Особенно когда геометрия подсказывает перевод, которого нет в словаре.

Юсуф кашлянул, скрывая улыбку. Фарук придвинул к собеседникам фотографию.

— Господа, у вас будет достаточно времени для споров. Вот фотография подлинника.

На снимке виднелся плоский обломок известняка с неровными краями. Окружности были вырезаны неглубоко, но отчётливо. Надпись занимала нижнюю треть поверхности. В правом углу проходила тёмная трещина.

— Где он лежал? — спросил Карим.

— В осыпавшейся кладке к юго-востоку от Сфинкса. Сам по себе обломок ничего не доказывает. Он мог попасть туда в любую эпоху. Поэтому я хочу обследовать участок, а не сочинять историю по одному камню.

Лейла положила рядом второй снимок, сделанный при косом освещении. Под обычными знаками обнаружились тонкие царапины.

— Посмотрите сюда. Кто-то исправлял надпись. Не исключено, что перед нами копия более древнего текста.

Карим наклонился над фотографией. Он различил следы двух стёртых знаков, но не сумел определить их форму.

— Мне понадобится сам камень.

— Он в лагере, — сказала Лейла. — Если господин профессор позволит нам наконец выехать, мы успеем до жары.

Фарук взглянул на карманные часы и с досадой захлопнул крышку.

— Машина ждёт уже десять минут!

* * *

Автомобиль пересёк Нил и направился на запад. За окнами мелькали сады, поля и низкие дома, возле которых женщины наполняли водой глиняные сосуды. Вдоль дороги росли деревья, дававшие редкую тень погонщикам ослов. Вдалеке, над зелёной полосой возделанной земли, постепенно поднимались три каменные вершины.

Карим видел пирамиды много раз, однако каждый новый приезд в Гизу производил на него впечатление. На фотографиях трудно было передать истинный масштаб этих сооружений. Только приблизившись к основанию Великой пирамиды, человек начинал понимать, насколько обманчивы привычные представления о величине каменного блока. Здесь отдельные глыбы, казавшиеся издали ступенями, достигали высоты человеческого пояса, а вся громада поднималась примерно на сто тридцать восемь метров над плато.

— Четыре с половиной тысячи лет, — произнёс Юсуф, глядя в окно. — А наш автомобиль не проживёт и десяти.

Водитель обернулся.

— Если господин не станет требовать от него езды по камням, проживёт пятнадцать.

Лагерь разместился в стороне от участков, где работали другие археологические миссии. Несколько полотняных палаток окружали низкую хозяйственную постройку. Под навесом стояли ящики, бочки с водой и небольшой бензиновый двигатель. Двое рабочих натягивали верёвку между ко-

лышками, размечая границу будущих исследований.

Возле двигателя Карим узнал Набиля. Механик держал в руке гаечный ключ и спорил с высоким мужчиной в круглых очках.

— Я могу запустить его сейчас, господин Саид. Но если вы хотите, чтобы он работал весь день, придётся прочистить топливную трубку.

— Тогда прочистите. Мне нужен двигатель, а не обещание двигателя.

Фарук представил мужчину как Омара Саида, инженера, приглашённого для обследования состояния кладки и организации технических работ.

— Археологов здесь уже достаточно, — заметил Омар, пожимая Кариму руку. — Надеюсь, вы не станете заставлять меня искать сокровища с помощью компаса.

— А вас уже заставляли?

— Вчера один посетитель уверял, что магнитная стрелка указывает на золото. Я предложил ему для начала найти таким способом собственные часы.

Из палатки вышел Самир Наджар, врач экспедиции. Он принёс кувшин воды и сообщил, что двое рабочих жаловались на головную боль. Работу на открытом солнце следовало прекратить раньше полудня.

— Если профессор опять забудет пообедать, — добавил он, — я не намерен лечить его от последствий научного энтузиазма.

— Вы слишком много говорите, Самир.

— Это единственное лекарство, которое пока ничего вам не стоит.

Фарук велел собрать всех под навесом. Он развернул план участка и объяснил, что разрешение Службы древностей выдано ему как руководителю экспедиции на обследование небольшой полосы плато к юго-востоку от Сфинкса. Участок находился за пределами зоны расчистки самого памятника, которой руководил инженер Эмиль Бараиз. Азиз оплачивал оборудование и содержание лагеря, но не имел ни концессии, ни права распоряжаться раскопками и находками. Разрешение распространялось лишь на расчистку обозначенной площади и исследование уже обнажённых остатков кладки. Всякая попытка проникнуть в неизвестное помещение потребует отдельного согласования с Службой древностей.

— Мы работаем не в безлюдной местности, — сказал профессор. — В нескольких сотнях шагов от нас трудятся другие экспедиции. Любая находка будет занесена в журнал. Ничего не вывозить без регистрации. Ничего не ломать ради любопытства.

Он поручил Юсуфу руководить обмерами, Кариму и Лейле — изучать надписи, а Омару — проверять устойчивость открываемых сооружений. Старший рабочий Мустафа должен был распределить людей и следить за инструментами.

— А господин Азиз? — спросил Карим.

— Приедет после полудня. Он оплачивает оборудование,

но научные решения принимаю я.

Профессор произнёс последние слова с такой отчётливостью, что Карим невольно вспомнил вчерашний ужин.

* * *

Обломок с окружностями хранился в деревянном ящике, выложенном тканью. Лейла перенесла его на стол. Камень оказался тяжелее, чем предполагал Карим, и гораздо менее выразительным, чем на фотографии: неровности поверхности скрывали часть тонких линий.

Они установили сбоку лампу и принялись рассматривать надпись через лупу. Лейла записывала варианты чтения, Карим измерял расстояния между знаками.

— Вот слово, которое вы приняли за дыхание, — сказала она. — Я бы пока оставила его без перевода. Слишком необычная форма.

— А дверь?

— Дверь — несомненно. Но это может быть и проход, и вход в святилище. Не обязательно настоящая дверь.

Карим повернул камень.

— Окружности, кажется, нанесены другим инструментом. Посмотрите на края борозд.

Лейла придвинула лампу. Борозды геометрического рисунка действительно были ровнее, чем линии иероглифов. Однако разница могла объясняться различной твёрдостью участков известняка или тем, что резчик менял инструмент.

— Запишем наблюдение, — решила она. — Не вывод.

— Вы всегда так осторожны?

— После того как однажды потратила три месяца на чтение надписи, оказавшейся списком хлебных поставок, — да.

— А я однажды принял след кирки за остаток царского имени.

— Значит, у нас есть надежда договориться.

К одиннадцати часам они закончили описание обломка. Лейла попросила свою помощницу Салму подготовить чистые листы для копий, а сама отправилась с Каримом к месту находки.

Участок представлял собой неглубокую выемку среди остатков древних стен. Песок здесь смешивался с мелкими камнями и обломками керамики. Мустафа показал место, где был обнаружен известняковый фрагмент. Оно находилось у основания кладки, частично разрушенной ещё до начала работ.

Карим опустился на колени и осмотрел соседние блоки. Большинство из них не имело надписей. Один камень отличался от остальных способом обработки: его открытая грань была необыкновенно гладкой. Он провёл по ней пальцем, затем попросил Мустафу принести мягкую щётку.

Под слоем пыли обнаружилась неглубокая прямая черта. Она продолжалась на соседнем блоке, но дальше скрывалась под песком.

— Не трогайте кладку, — сказал Карим рабочему. — Только очистите поверхность.

Юсуф принёс рейку и рулетку. Пока Мустафа убирал рыхлый песок, он измерил направление стены и нанёс её на план. Через несколько минут стало ясно, что черта пересекает шов между двумя блоками без заметного смещения.

— Её провели после укладки камней, — заметил он.

— Или черту нанесли до того, как камни разъединили, — возразила Лейла.

— Тогда кто-то очень аккуратно разрезал их и столь же аккуратно сложил обратно.

Карим не стал вмешиваться в спор. Его занимало другое: черта шла не горизонтально, а с небольшим наклоном. Если мысленно продолжить её, она уходила бы под соседнюю груду камней.

Он попросил Юсуфа отметить её направление. Дальнейшая расчистка потребовала бы времени, а солнце уже стояло высоко. Самир появился у выемки и объявил перерыв, не дожидаясь согласия профессора.

* * *

За обедом под навесом говорили о предстоящих работах, расходах и снабжении лагеря. Юсуф выяснил, что ближайший поставщик воды назначил цену, словно доставлял её из самого Судана. Набиль сообщил, что для двигателя необходим запасной ремень. Салма попросила приобрести ещё одну пачку фотопластинок.

— Научное открытие, — заключил Самир, — начинается с того, что кому-нибудь не хватает денег на ремень.

Лейла ела хлеб с сыром и просматривала записи. Карим спросил, давно ли она работает с профессором.

— Третий год. До этого занималась музейными коллекциями. Там было прохладнее, но приходилось гораздо чаще доказывать, что я умею читать.

— А здесь?

— Здесь приходится доказывать, что я умею читать и ходить по пустыне одновременно.

Она закрыла тетрадь.

— Мой отец хотел, чтобы я преподавала. Он считал, что работа с древностями не подходит женщине. Теперь всякий раз спрашивает, не нашли ли мы что-нибудь достойное его внимания.

— И что вы отвечаете?

— Что пока нашли несколько достойных внимания мужчин, которые мешают работать.

Карим рассмеялся. В этот момент у лагеря остановился автомобиль Махмуда Азиза. Промышленник вышел вместе с Халедом, начальником нанятой им охраны, и направился к профессору.

Азиз привёз ящик инструментов и письмо из своей конторы. Он внимательно выслушал Омара, распорядился доставить ремень и не стал спорить о цене воды. Затем попросил показать участок.

— Сегодня мы обнаружили линию на кладке, — объяснил Фарук. — Пока ничего существенного.

— А под кладкой?

— Мы ещё не знаем, что под ней.

— Пустота, вероятно?

— Вероятно, известняк. Пустоту надо доказать.

Азиз принял ответ без возражений, но попросил Омара взять с собой измерительные приборы. Карим заметил, что промышленника гораздо больше интересовало направление линии, чем сама надпись на обломке.

После обеда инженер установил компас на деревянной подставке в нескольких шагах от выемки. Он намеревался проверить направление стены независимо от предварительного обмера Юсуфа. Для точной привязки к плану впоследствии предстояло воспользоваться теодолитом.

Стрелка успокоилась. Омар записал показание, перенёс прибор ближе к кладке и повторил измерение. Затем нахмурился.

— Набиль, двигатель выключен?

— Уже час как выключен.

— Уберите отсюда инструменты. Все железные предметы.

Рабочие отнесли кирки и лопаты к навесу. Омар снял часы, отдал их Набилю и вновь установил компас. Стрелка отклонилась на несколько градусов относительно первого показания.

— Что случилось? — спросил Азиз.

— Пока ничего. Возможно, в земле находится железо.

Инженер попросил Юсуфа принести второй компас. Оба

прибора показали приблизительно одинаковое отклонение. Омар отметил точки измерений на плане, после чего перенёс приборы дальше от стены. Там расхождение исчезло.

— Железный предмет, — повторил он. — Или магнитная порода. Других объяснений пока не требуется.

— Но известняк не должен давать такого эффекта, — заметил Карим.

— Известняк сам по себе — нет. А то, что в нём или под ним, вполне может.

Азиз предложил немедленно углубить выемку. Фарук отказался: сначала требовалось закончить описание кладки и убедиться, что расчистка не повредит соседним сооружениям.

Промышленник посмотрел на инженера.

— Сколько времени это займёт?

— Столько, сколько потребуется, — ответил Омар.

Азиз кивнул и ушёл к автомобилю. Его спокойствие показалось Кариму несколько натянутым.

* * *

К вечеру жара ослабла. Рабочие закончили расчистку, накрыли открытые участки тканью и убрали инструменты. Карим остался у стола с планом, пытаясь сопоставить направление найденной черты с расположением древних стен.

Лейла принесла фотографии и села напротив.

— Есть одна неприятность, — сказала она. — На снимке, сделанном до начала расчистки, рядом с обломком виден

ещё один камень. Сегодня его там нет.

— Рабочие могли перенести его.

— Могли. Я спросила Мустафу. Он не помнит такого камня.

На фотографии различалось нечто похожее на небольшой плоский предмет, почти целиком скрытый песком. Карим поднёс отпечаток к лампе. У предмета был прямой край, но определить материал по снимку не удавалось.

— Когда сделана фотография?

— За день до того, как нашли обломок с окружностями.

— Покажем профессору. Возможно, предмет просто убрали вместе с мусором.

Лейла согласилась. Она не любила превращать отсутствие сведений в доказательство чьей-либо вины. Вместе они отнесли снимок Фаруку, который распорядился утром проверить журнал работ и осмотреть отвал.

На обратном пути Карим остановился у края плато. На востоке загорались огни Каира, а солнце опускалось за пустыню. Пирамиды постепенно теряли цвет, превращаясь в огромные тёмные силуэты.

— Знаете, что меня удивляет? — сказал он.

— Что именно?

— Мы привыкли смотреть на эти сооружения как на законченные памятники. Измеряем их, описываем, спорим о строительстве. Но иногда забываем, сколько ещё не знаем даже о том, что лежит у их основания.

— Для этого и существует археология, — ответила Лейла. — Только не обещайте себе найти больше, чем там есть.

Из лагеря донёсся голос Юсуфа, звавшего их к ужину. Они повернули обратно.

У навеса Омар всё ещё возился с компасом. Он попросил Карима задержаться и показал страницу записной книжки.

— Я повторил измерения после того, как рабочие ушли. Отклонение осталось. Но посмотрите: оно неодинаково в разных точках. Самое большое — возле той стены, которую вы сегодня очистили.

— Значит, завтра начнём с неё?

— Начнём с проверки. Мне хотелось бы исключить всё обыкновенное, прежде чем профессор придумает что-нибудь необыкновенное.

Карим убрал свою копию плана в папку. Ему предстояло ещё написать сестре, разобрать записи и договориться с Юсуфом о завтрашних обмерах. Но прежде он вернулся к столу Лейлы и ещё раз посмотрел на четыре окружности.

Три больших круга соединялись с одним малым. Вчера это был всего лишь рисунок на бумаге. Сегодня к нему прибавились линия на древней кладке и странное поведение магнитной стрелки. Между этими наблюдениями могло не существовать никакой связи.

Карим записал в тетради именно это: «Связь не установлена».

Затем, подумав, добавил: «Проверить направление линии

относительно Сфинкса».

Глава 3. Загадка Великого сфинкса

На рассвете Карим обнаружил Юсуфа возле ящика с геодезическими инструментами. Тот сидел на перевёрнутом ведре и недовольно вытряхивал песок из башмака.

— Если мы найдём сокровища фараонов, — объявил он, — на премию я куплю себе дом в Александрии. Непременно на третьем этаже. Чтобы песок не добирался до постели.

— В Александрии есть ветер.

— Не разрушай моих надежд.

Карим поставил на ящик две чашки кофе и развернул вчерашний план. Юсуф обулся, придвинул бумагу и некоторое время изучал нанесённые карандашом линии.

— Хочешь продолжить эту черту до Сфинкса?

— Хочу узнать, куда она ведёт. Это не совсем одно и то же.

— Тогда придётся дождаться Омара. Он обещал помочь с теодолитом.

Утро было прохладным, и известняковые уступы ещё сохраняли ночную свежесть. С востока медленно поднималось солнце, освещая голову Сфинкса, тогда как глубокая выемка вокруг его туловища оставалась в тени. На соседних участках уже слышались голоса рабочих. Плато Гизы не принадлежало одной экспедиции: здесь трудились археологи, служащие египетской Службы древностей, землекопы и каменщики. Любое серьёзное открытие неизбежно привлекло бы

внимание соседей.

Профессор Фарук вышел из палатки с письмом в руке.

— Карим, прежде чем браться за измерения, помогите Лейле осмотреть отвал. Вчерашний снимок не даёт мне покоя.

— Вы полагаете, что предмет украли?

— Я полагаю, что мы обязаны знать, куда деваются вещи с нашего участка. Даже если это обыкновенный камень.

У отвала их встретил Мустафа. Старший рабочий принёс журнал, в котором отмечались корзины вынутой земли и места, куда её относили. Записи делались не для каждого обломка, но позволяли восстановить общий ход работ.

Лейла разложила фотографию на крышке ящика.

— Вот этот участок. Помните, кто здесь работал?

Мустафа назвал троих землекопов. Двое уже явились на работу, третий отправился в деревню из-за болезни сына. После короткого разговора выяснилось, что землю из выемки относили не только к общему отвалу. Часть её пошла на выравнивание площадки возле навеса.

— Прекрасно, — сказал Карим. — Будем раскапывать собственный лагерь.

Они принялись просеивать рыхлую землю. Через час на куске мешковины лежали черепки, несколько кремнёвых отщепов, пуговица и обломок современного стекла. Искомого предмета среди них не оказалось.

Салма, помогавшая Лейле, вдруг подняла фотографию и

повернула её к свету.

— А почему мы решили, что это отдельный предмет? Посмотрите на тень. Может быть, это край плиты, которая осталась в земле?

Карим взял снимок. Девушка была права: тёмная полоска у нижнего края могла обозначать не тень от предмета, а углубление между двумя камнями.

— Значит, мы целый час искали то, чего, возможно, никто не вынимал, — заметил он.

— Зато нашли пуговицу, — ответила Лейла. — Не всякая экспедиция может похвастаться таким результатом до завтрака.

Они вернулись к выемке. Сопоставив положение камней на фотографии с нынешним состоянием кладки, Карим убедился, что часть первоначальной поверхности всё ещё скрыта под плотным слоем песка. Он отметил её на плане, но профессор запретил углублять раскоп до окончания измерений.

К этому времени Омар установил теодолит. Юсуф поочерёдно устанавливал визирные вехи у концов черты, а Карим записывал отсчёты. Работа шла медленно: приходилось переносить прибор, проверять его положение и следить, чтобы ножки штатива не оседали в рыхлом грунте. Когда они закончили, солнце стояло уже высоко.

На плане продолженная линия проходила у юго-восточного края выемки Сфинкса.

— Не голову и не грудь, — сказал Юсуф, проведя линей-

кой по бумаге. — Она проходит южнее. Если там что-нибудь есть, оно лежит в скале сбоку от памятника.

— Или линия вообще не имеет отношения к Сфинксу, — добавил Омар.

Карим не возразил. Однако он попросил инженера повторить магнитные измерения вдоль полученного направления.

Омар согласился при условии, что все результаты будут записаны, включая те, которые не подтвердят предположения археолога. Они разметили несколько точек деревянными колышками. В первых двух точках компас вёл себя совершенно обычно. У третьей точки стрелка отклонилась, у четвёртой отклонение увеличилось, а за её пределами исчезло.

Инженер присел на корточки и осмотрел грунт.

— Здесь нет ни рельсов, ни железных труб?

Мустафа покачал головой.

— Не знаю, что под землёй, господин. Но на моей памяти здесь ничего такого не прокладывали.

— На вашей памяти, — повторил Омар. — Вот это правильный ответ.

Он зарисовал положение точек и попросил оставить колышки до следующего дня.

К полудню профессор получил разрешение осмотреть небольшую полосу скального грунта возле выемки, не затрагивая самого памятника. Карим ожидал, что теперь они смогут немедленно приступить к расчистке, но Фарук настоял на присутствии представителя Службы древностей. Пришлось

отложить работу до его прибытия.

— Мы не охотники за кладами, — сказал профессор, заметив нетерпение ученика. — Если обнаружим что-либо важное, нам потребуется не только находка, но и доказательство того, где и при каких обстоятельствах она сделана.

Карим знал это не хуже наставника. И всё же ожидание давалось ему труднее, чем самая утомительная работа.

В тени навеса Самир Наджар разбирал медицинский ящик. Он обнаружил, что одна из бутылок треснула при перевозке, и теперь счищал следы высохшего лекарства с деревянной перегородки.

— У вас, археологов, удивительная привычка, — сказал он Кариму. — Вы добровольно проводите день на солнце, а вечером удивляетесь головной боли.

— Ты мог бы остаться в Каире.

— Мог. Но тогда мне пришлось бы лечить людей, которые хотя бы платят за мои советы. Здесь же я получаю редкую возможность давать их совершенно напрасно.

Самир протянул ему кружку воды. Карим выпил её и сел рядом. Из палатки профессора доносились голоса: Махмуд Азиз прибыл раньше ожидаемого и обсуждал расходы на дальнейшие работы.

— Он снова требует ускорить раскопки? — спросил Карим.

— Он требует знать, за что платит. По-моему, это разные вещи.

— Пока разные.

Самир закрыл ящик.

— Не делай из него преступника прежде, чем он совершит преступление. Это дурная привычка не только археологов.

После обеда явился инспектор Службы древностей. Вместе с профессором он осмотрел намеченный участок, сверил границы разрешённых работ и согласился на поверхностную расчистку. Мустафа отобрал двух опытных рабочих. Кирки остались под навесом: рыхлый песок снимали небольшими лопатками, а возле камня пользовались щётками.

Первым показался край известняковой плиты. Она лежала почти вровень с естественной поверхностью скалы. На первый взгляд в ней не было ничего примечательного, однако Юсуф заметил, что один из её краёв образует необычайно прямой шов.

Карим опустился на колени. Под тонкой коркой затвердевшего песка обнаружилась неглубокая борозда. Она тянулась вдоль края плиты, затем поворачивала под прямым углом.

— Не трогайте дальше, — сказала Лейла.

Она принесла кисть и осторожно очистила небольшой участок. На камне проступили три короткие черты, пересечённые дугой. Рядом находился знак, напоминавший раскрытую ладонь, но с четырьмя одинаковыми пальцами.

— Иероглиф? — спросил инспектор.

— Не могу сказать. Возможно, рабочая метка. Возможно,

часть рисунка.

Лейла попросила Салму принести фотоаппарат. Пока та устанавливала штатив, Карим осмотрел соседнюю поверхность. Там, под слоем песка, обнаружилась ещё одна группа знаков. Один из них состоял из трёх окружностей, расположенных вокруг четвёртой, меньшей.

Он молча позвал профессора.

Фарук долго сравнивал находку с рисунком из записной книжки. Расположение окружностей было почти одинаковым, хотя на плите между ними проходили дополнительные линии.

— Теперь у нас два изображения, — сказал Карим.

— И ни одного перевода, — ответила Лейла.

— Но это уже не случайность.

— Возможно. Сначала выясним, действительно ли изображения относятся к одному времени.

Профессор распорядился закончить фотографирование и только после этого продолжить расчистку. Азиз, наблюдавший за работой с края выемки, попросил разрешения спуститься. Инспектор не возражал.

Промышленник внимательно посмотрел на знаки.

— Если эти круги обозначают пирамиды, то что означает четвёртый?

— Почему вы решили, что речь идёт о пирамидах? — спросила Лейла.

— Их три. Мы находимся рядом с ними.

— В таком случае это могут быть и три корзины. Корзин здесь тоже достаточно.

Азиз улыбнулся, но от плиты не отошёл.

— Вы правы. Я не специалист. Однако хотелось бы знать, куда ведёт этот шов.

В этом желании с ним были согласны все.

Рабочие сняли ещё несколько сантиметров песка. Открылась вторая сторона плиты, а затем узкая полоса скалы, покрытая следами обработки. Карим провёл взглядом вдоль шва и заметил, что тот не продолжался за пределами прямоугольника. Перед ними находилась отдельная каменная деталь, вставленная в углубление.

Юсуф измерил её видимую часть. Длина составляла немного более полутора метров, ширину пока установить не удалось.

— Крышка? — предположил Мустафа.

— Или облицовка, — ответил профессор.

Омар принёс компас и попросил рабочих отнести металлические инструменты подальше. Возле одного угла плиты стрелка заметно отклонилась. Он повторил опыт с другой стороны, затем поднял прибор выше. Эффект ослабел.

— Источник находится близко, — сказал инженер. — Но пока я не берусь определить, что именно это такое.

Вскоре обнаружилось ещё одно обстоятельство. Вдоль шва лежал тонкий слой сероватой пыли, отличавшейся от окружающего песка. Омар взял немного вещества в бумаж-

ный пакет, подписал место находки и убрал образец в ящик. Исследовать его на месте было невозможно.

Лейла тем временем закончила копировать знаки. Среди геометрических фигур она нашла два изображения, похожих на известные ей древнеегипетские знаки. Одно могло обозначать землю, другое — действие, связанное с закрытием или преградой. Но расположение их было столь необычным, что уверенно прочитать надпись она не могла.

— Если здесь действительно есть египетские слова, — сказала она, — они могли быть добавлены позднее. Посмотрите: линии окружностей глубже и ровнее, чем эти два знака.

Карим поднёс к камню увеличительное стекло. Разница существовала. Геометрические линии имели гладкие стенки, тогда как края предполагаемых иероглифов сохраняли мелкие неровности.

— Два мастера?

— Или две эпохи. Или два инструмента. Выбирайте, что вам больше нравится, но в журнале я оставлю все три возможности.

К вечеру жара начала спадать. Инспектор ушёл, предварительно осмотрев расчистку и подписав запись о находке. Профессор приказал прекратить работы: поднимать плиту без выяснения её толщины и состояния основания было опасно.

Азиз выразил недовольство.

— Завтра сюда придут любопытные. Неужели мы оставим

всё как есть?

— Поставим охрану, — ответил Фарук.

— Я могу доставить подъёмное оборудование ещё сегодня.

— Оно нам понадобится только тогда, когда мы будем знать, что поднимаем.

Промышленник пожал плечами и отправился к автомобилю. Халед остался у выемки, получив распоряжение не допускать посторонних.

Карим уже собирал бумаги, когда Мустафа позвал его к южному краю плиты.

— Господин, здесь песок уходит вниз.

В маленькой щели действительно исчезали отдельные песчинки. Карим наклонился и ощутил слабое движение воздуха. Он позвал Омара. Инженер вырезал из тонкой бумаги полоску и поднёс её к щели. Свободный конец отклонился внутрь.

— Тяга, — произнёс он.

— Значит, там помещение?

— Значит, воздух куда-то движется. Может быть, в трещину естественного происхождения. Может быть, в полость. Размеров мы не знаем.

Они повторили наблюдение несколько раз. Движение воздуха было слабым, но устойчивым. Профессор велел записать температуру наружного воздуха и время опыта, чтобы утром можно было сравнить результаты.

Карим присел возле плиты. Ему хотелось увидеть хотя бы несколько сантиметров пространства за ней. Он попросил Набиля принести небольшое зеркальце и электрический фонарь. Попытка оказалась неудачной: щель изгибалась, и отражённый свет освещал только ближайшую каменную поверхность.

Однако в тот короткий миг, когда луч скользнул по внутреннему краю, Карим заметил нечто, заставившее его повторить опыт.

— Омар, взгляни сюда. Только не на щель, а на её верхнюю стенку.

Инженер занял его место. Несколько секунд он молчал.

— Похоже на обработанный камень.

— Видишь параллельные полосы?

— Вижу. Не знаю, чем они сделаны.

Полосы уходили вниз под одинаковым наклоном. Они могли быть следами инструмента, но Кариму почудилось, что перед ним край небольшой ступени. Он не стал высказывать догадку: увидеть продолжение мешала сама плита.

Лейла подошла с тетрадью.

— Вы опять нашли что-то, чего не можете объяснить?

— На этот раз, возможно, нашли лестницу.

— Возможно, — повторила она и записала его слова.

Когда все ушли ужинать, Карим задержался возле стола с фотографиями. На увеличенном отпечатке четыре окружности были видны гораздо отчётливее, чем на снимке вчераш-

него обломка. Он положил рядом план плато и попробовал совместить рисунок с расположением пирамид. Совпадение оказалось неполным: расстояния и углы не соответствовали друг другу. Он уже собирался убрать бумаги, когда Лейла остановила его руку.

— А если это не карта?

— Тогда что?

— Схема. На карте важно расстояние, а на схеме — связь между предметами. Посмотрите, все три большие окружности соединены с малой.

Карим снова взглянул на рисунок. Мысль была проста и убедительна, но пока не объясняла ни назначения знаков, ни их связи с кладкой.

— Три предмета, связанные с четвёртым, — произнёс он. — И мы не знаем ни одного из них.

— Зато знаем, чего искать не следует. Не будем подгонять рисунок под карту только потому, что нам хочется увидеть пирамиды.

Он улыбнулся.

— С вами трудно спорить.

— Вы всё-таки попробуйте. Иначе мне придётся искать другого собеседника.

Из соседней палатки донёсся голос профессора. Фарук попросил обоих зайти. На его столе лежал журнал раскопок, а рядом — разрешение на работы.

— Завтра продолжим расчистку, — сказал он. — Ника-

ких попыток сдвинуть плиту до моего распоряжения. Карим, подготовьте описание. Лейла, мне нужны копии всех знаков. Омар займётся измерениями.

— Вы считаете, что это вход? — спросил Карим.

Профессор снял очки и протёр их платком.

— Я считаю, что у нас есть обработанная плита, неизвестная надпись, движение воздуха и магнитное отклонение. Для одного дня этого вполне достаточно.

Он помолчал и добавил:

— Но если под ней действительно лестница, я хотел бы узнать, кто и зачем её закрыл.

В лагере зажглись лампы. Юсуф спорил с Набилем о том, как лучше укрепить край выемки, Самир подсчитывал оставшиеся запасы перевязочного материала, а Мустафа распределял рабочих на утро. Карим допоздна составлял описание находки, тщательно отделяя наблюдения от предположений.

Перед сном он вышел из палатки. Над плато стояла луна. Сфинкс, наполовину скрытый тенью, казался частью самой скалы. Возле раскопа прохаживался Халед.

— Всё спокойно? — спросил Карим.

— Пока да. Только ветер.

Карим подошёл к ограждению. Отсюда плиты не было видно. Он подумал о людях, оставивших на ней странные знаки. Они могли быть простыми каменщиками, жрецами или строителями неизвестного сооружения. Но одно обсто-

ятельство уже не давало ему покоя: кто-то приложил немало труда, чтобы скрыть обработанный камень под поверхностью плато.

Он вернулся в палатку и дописал последнюю строку в журнале: «Предполагаемая полость за плитой. Не вскрыта».

На этом он закрыл тетрадь.

Глава 4. Камень, которого не должно быть

На следующее утро Омар Саид разбудил Карима раньше Мустафы, раньше повара и даже раньше осла, который имел обыкновение возвещать лагерю о восходе солнца.

— Вставай. Мне нужен свидетель.

— Чего? Преступления?

— Пока только опыта.

Инженер устроился под полотняным навесом. На столе стояли весы, несколько стеклянных сосудов и спиртовка. Рядом лежал вчерашний пакет с серой пылью.

— Посмотри сюда, — сказал он, придвигая к Кариму белое блюдце.

Среди серых крупинок выделялось несколько чёрных зёрен. Омар приблизил к ним небольшой магнит. Часть пыли потянулась за ним, но чёрные зёрна остались неподвижными.

— Обычная железистая примесь, — предположил Карим.

— В серой пыли — возможно. А вот это меня интересует гораздо больше.

Он высыпал чёрные зёрна на стекло и попытался раздавить одно из них стальным остриём. Зерно выскользнуло, оставив на металле едва заметную царапину.

— Ты разбудил меня ради песчинки?

— Ради песчинки, которую я не сумел расколоть. Если найдём кусок побольше, день будет прожит не напрасно.

Карим отправился умываться. У палатки профессора уже появился Мустафа. Старший рабочий держал в руке свёрток и с таким вниманием слушал Фарука, словно тот диктовал ему завещание.

— Ничего не вынимать из кладки, — говорил профессор. — Даже если предмет покажется вам совершенно бесполезным. Сначала позовите кого-нибудь из нас.

Мустафа кивнул.

— А если он уже вынут?

— Кем?

— В песке нашёл, господин профессор. Не я его отломил.

Он развернул тряпицу. В ней лежал небольшой обломок тёмного вещества, похожий на осколок бутылочного стекла, только совершенно непрозрачный.

— Нашёл возле края вчерашней выемки. Он лежал в песке. Я оставил там отметку.

Карим взял обломок. Его удивил вес: предмет оказался тяжелее, чем можно было ожидать от куска камня такой величины. Одна сторона была гладкой, другая покрыта мелкими углублениями.

— Омар! — позвал он.

Инженер появился почти немедленно.

— Вот теперь, — сказал Карим, — у тебя есть нечто большее, чем песчинка.

Фарук не позволил приступить к опытам, пока находку не зарегистрировали. Салма сфотографировала обломок рядом с масштабной линейкой, Юсуф отметил место обнаружения на плане, а Лейла внесла описание в журнал. Только после этого профессор передал предмет инженеру.

— Постарайтесь вернуть его в том же виде, в каком получили.

— Вы лишаете меня половины удовольствия, — заметил Омар.

— Зато сохраняю половину археологии.

К девяти часам открытые солнцу камни заметно нагрелись, и рабочие всё чаще уходили под навес за водой. Над долиной Нила дрожал воздух. Вдали, за зелёной полосой полей, поднималась пыль от проезжавших автомобилей. Здесь же, возле древнего изваяния, каждый удар лопатки казался событием, достойным записи.

Юсуф руководил расчисткой северного края плиты. Карим присоединился к нему. Вчерашняя щель стала видна лучше, но сама плита по-прежнему оставалась неподвижной.

— Если под ней лестница, — сказал Юсуф, — строители предусмотрели весьма неудобный способ входа.

— Возможно, это вообще не вход, а место, которое закрыли навсегда.

— Тогда у нас с ними разные представления о слове «навсегда».

Из-под кисти Мустафы показалась узкая чёрная полоска.

Она проходила вдоль известняка, исчезая под плитой. Карим остановил работу и подозвал Лейлу.

Полоска была шириной не более двух пальцев. На открытом участке виднелась небольшая выемка, по форме напоминавшая найденный обломок. Однако прикладывать его к кладке не стали: сначала требовалось выяснить, не повредит ли это хрупкие края.

Лейла зарисовала расположение полосы.

— Здесь нет раствора, — сказала она. — Камень словно положен прямо на эту прокладку.

— Или прокладка вставлена позднее.

— И это возможно. Но посмотрите, насколько плотно она прилегает к известняку.

Карим провёл кистью по шву. Между материалами не было заметного зазора. Даже тонкая щетинка не проникала внутрь.

— Позовём профессора.

Фарук осмотрел участок и распорядился закрыть его от прямых солнечных лучей. Ему не нравилось, что неизвестный материал мог оказаться частью конструкции, состояние которой они ещё не понимали.

Тем временем Омар принёс весы в тень и определил массу обломка. Затем, получив разрешение профессора, измерил объём вытесненной им воды в мерном цилиндре. Повторив измерение, инженер записал результат и нахмурился.

— Плотность — почти пять граммов на кубический сан-

тиметр. Для обычного известняка это слишком много. Но само по себе число ничего не доказывает.

Он вытер образец и достал кусок оконного стекла. Острый край находки оставил на нём глубокую царапину. Стальной напильник, напротив, скользил по гладкой поверхности, почти не оставляя следа.

Набиль, наблюдавший за опытом, принёс небольшой обломок наждачного круга.

— Попробуем этим?

— Не сегодня. Мы обещали профессору не портить находку.

— Тогда зачем вы позвали механика?

— Чтобы он не дал физику совершить глупость.

Набиль рассмеялся и остался возле стола.

Омар собрал простую электрическую цепь из сухой батареи, проводов и чувствительного гальванометра. Проверил её на медной пластинке, затем на стекле. Наконец прижал контакты к противоположным сторонам чёрного обломка. Стрелка отклонилась.

— Проводит ток, — сказал Набиль.

— Да. Теперь посмотрим, меняются ли показания при перестановке контактов.

При перемене положения контактов отклонение изменилось. Инженер повторил опыт, стараясь прижимать провода с одинаковой силой. Результаты не совпадали в точности, но различие сохранялось.

— Графит тоже обладает необычными электрическими свойствами, — заметил Омар. — Только наш образец совсем не похож на графит. Во всяком случае, на тот, с которым мне приходилось работать.

Он позвал Карима и показал записи.

— Что скажешь?

— Что египтяне умели работать с камнем лучше, чем принято думать.

— Это я знал и до знакомства с тобой. Мне нужно другое объяснение.

— Тогда тебе понадобится лаборатория.

— Наконец-то разумное предложение.

Они решили отправить несколько отделившихся крупинок в Каир. Целый обломок должен был остаться в лагере до распоряжения Службы древностей.

К полудню прибыл Махмуд Азиз. Его автомобиль остановился у палаток, и шофёр вынес два ящика с продовольствием. Сам промышленник явился под навес с газетой, сложенной вчетверо.

— В городе уже спрашивают, зачем мы снова копаем возле Сфинкса, — объявил он.

Фарук поднял голову.

— Кто спрашивает?

— Люди, которым не хватает новостей. Я ответил, что мы изучаем кладку.

— Вполне точный ответ.

— Но не вполне интересный.

Азиз заметил приборы Омара и подошёл ближе.

— Это и есть ваша новая находка?

— Один из образцов, — ответил инженер.

— Позволите взглянуть?

Омар показал ему обломок, не выпуская из рук. Азиз заинтересовался не формой предмета, а результатами измерений. Он задал несколько вопросов о твёрдости и электрической проводимости, причём вопросы были достаточно толковыми, чтобы Омар перестал отвечать односложно.

— Если это искусственный материал, — сказал промышленник, — его изготовление может представлять интерес и сегодня.

— Если искусственный, — подчеркнул Фарук.

— Разумеется. Я не предлагаю строить фабрику до окончания ваших опытов. Но могу оплатить исследование в хорошей лаборатории.

— Образцы будут переданы установленным порядком, — ответил профессор. — За предложение благодарю.

Азиз не стал спорить. Он попросил разрешения присутствовать при следующем опыте и отошёл к столу с фотографиями.

Карим заметил, как внимательно промышленник рассматривал снимок чёрной полосы возле плиты. Это был взгляд человека, привыкшего оценивать не красоту предмета, а его возможную пользу. Впрочем, Карим понимал, что без таких

людей многие экспедиции вообще не состоялись бы.

После обеда Лейла принесла фотографию находки, отпечатанную с увеличением. На гладкой стороне обломка обнаружились тончайшие параллельные линии. Они были заметны лишь при косом освещении.

— Я сначала приняла их за царапины, — сказала она. — Но посмотрите на расстояние между ними.

Омар воспользовался лупой. Линии шли почти равномерно, прерываясь возле края скола.

— Следы обработки? — спросил Карим.

— Возможно. Надо рассмотреть под микроскопом.

Самир одолжил инженеру свой медицинский микроскоп, предупредив, что не намерен покупать новый за собственный счёт. Обломок оказался слишком толстым для обычного наблюдения в проходящем свете. Омар осветил поверхность сбоку и воспользовался объективом малого увеличения.

Он долго молчал, потом уступил место Лейле.

Под увеличением линии выглядели как чередование тёмных и блестящих полос. Некоторые раздваивались, но затем вновь соединялись. На естественные трещины они походили мало.

— Напоминает ткань, — сказала Лейла.

— Только эти полосы, похоже, не просто царапины на поверхности, — ответил Омар. — Хотя я могу ошибаться.

Карим посмотрел в окуляр последним. Он привык узнавать руку мастера по едва заметным особенностям резьбы. В

данном случае ему не удавалось представить ни инструмента, ни движения, которым могли быть оставлены эти следы.

— Если бы это лежало на столе современного инженера, я не удивился бы, — признался он. — Но мы нашли предмет возле древней кладки.

— Возле кладки, а не в датированном слое, — напомнила Лейла. — Не забывайте разницу.

Она была права. Обломок мог попасть сюда сравнительно недавно. Требовалось доказать его связь с чёрной полосой под плитой.

К вечеру разрешение на дальнейшую расчистку было подтверждено инспектором. Рабочие осторожно освободили ещё небольшой участок края. Теперь стало ясно, что тёмная полоса продолжается вдоль всей доступной стороны плиты. Местами она уходила под нетронутую известняковую кладку.

Омар попросил измерить электрическое сопротивление открытого участка. Профессор разрешил опыт при условии, что контакты не будут царапать поверхность.

Инженер расположил прибор на деревянном ящике. Набиль удерживал провода. Первый результат оказался сходным с тем, который они получили на обломке. Второй опыт дал иное значение, но подтвердил проводимость материала.

Когда Омар исключил батарею из цепи, соединив оставшиеся провода, стрелка гальванометра не вернулась к нулю.

— Погоди, — сказал он Набилю. — Ты убрал провод?

— Оба конца батареи свободны.

Омар проверил соединения. Стрелка слегка колебалась возле одного деления. Он разомкнул цепь полностью: прибор вернулся к нулю. При повторном подключении контактов к полосе, уже без батареи, отклонение появилось снова.

Карим присел рядом.

— Откуда ток?

— Пока не знаю. Разность температур, химический процесс, посторонний источник. Сначала исключим самые простые причины.

Омар переставил контакты, заменил провода и повторил измерение. Затем велел всем отойти от прибора. Результат сохранился, хотя величина отклонения менялась.

Фарук наблюдал за опытом с возрастающим беспокойством.

— Это опасно?

— В нашей измерительной цепи ток очень мал, однако это ещё не позволяет судить о мощности источника. Мы не знаем, что находится за плитой, поэтому я не советую ничего замыкать или разбирать.

— В таком случае на сегодня достаточно.

Махмуд Азиз, стоявший наверху, хотел возразить, но профессор уже распорядился убрать оборудование.

В лагере ужинали позднее обычного. Юсуф рассказывал о том, как однажды принял нору пустынного зверька за вентиляционное отверстие древней гробницы. Мустафа слушал

с невозмутимым лицом, а потом заметил, что зверёк, вероятно, был лучшим археологом из них двоих.

Карим смеялся вместе со всеми, однако мысленно возвращался к стрелке прибора. Ему не нравилось, что всякий новый ответ порождал ещё два вопроса.

Лейла сидела напротив, переписывая дневные наблюдения. Когда остальные разошлись, она показала ему рисунок чёрной полосы и вчерашнюю схему четырёх окружностей.

— Я не утверждаю, что они связаны, — сказала она. — Но возле одного из знаков есть линия, которая заканчивается точно на границе этой полосы.

— Вы заметили это сегодня?

— Утром. Ждала, пока расчистят край.

Карим придвинул лампу. На рисунке действительно прослеживалось совпадение.

— Значит, надпись могла объяснять назначение материала.

— Или обозначать место, где его следует искать.

— Вы никогда не соглашаетесь с первой догадкой.

— А вы слишком любите первые догадки.

Он улыбнулся и вернул ей лист.

— Завтра я постараюсь придумать вторую.

Лейла закрыла тетрадь.

— Лучше придумайте опыт, который позволит выбрать между ними.

Омар ещё не спал. Он составлял письмо знакомому пре-

подавателю физики в Каире, перечисляя измеренные свойства образца. В конце письма инженер долго подбирал выражение, затем зачеркнул слово «камень» и написал «вещество неизвестного состава».

На соседнем столе лежал обломок, завёрнутый в чистую бумагу. В журнале ему присвоили номер и указали место находки. Никаких громких названий, никаких предположений о забытых секретах древности.

Омар задул лампу и вышел из палатки.

Над Гизой стояла безоблачная ночь. Пирамиды чернели на фоне звёзд. Со стороны раскопа донёсся голос Халеда, сменявшего караульного.

Инженер остановился. Ему вдруг пришло в голову, что завтра следует повторить измерения не только днём, но и после захода солнца. Если отклонение стрелки зависело от нагрева поверхности, ночной опыт мог многое объяснить.

Он вернулся за записной книжкой.

Впервые за время экспедиции Омара интересовало не только происхождение найденного материала, но и причина, по которой в неподвижной каменной кладке обнаруживалась разность электрических потенциалов.

На этот вопрос у него пока не было ответа.

Глава 5. Ночные огни Гизы

На следующий день Омар Саид отправился в Каир за приборами. Он выехал ещё до завтрака, прихватив письмо к своему знакомому преподавателю физики и пустой деревянный ящик, в котором рассчитывал привезти всё необходимое для ночных наблюдений.

Карим проводил Омара до дороги и вернулся к раскопу. Мустафа уже распределил рабочих. Из углубления поднимали корзины с песком, а Юсуф, сидя под полотняным навесом, сверял отметки на чертеже с результатами нивелирования.

— Наш инженер, кажется, решил превратить Гизу в физическую лабораторию, — заметил Юсуф.

— Если ему удастся объяснить вчерашние измерения, я не стану возражать.

— А если не удастся?

— Тогда придётся искать объяснение нам.

Лейла, услышав последние слова, подняла голову от тетради.

— Для начала было бы неплохо закончить чертёж. Вы оба вчера обещали измерить расстояние от надписи до края кладки.

Юсуф вздохнул, взял мерную ленту и полез вниз.

Утреннее солнце освещало лицо Сфинкса. На его вы-

ветренных боках ещё сохранялись тени, подчёркивавшие неровности древнего известняка. Карим всякий раз испытывал странное чувство, глядя на это сооружение. Тысячи людей приходили сюда с готовыми представлениями о прошлом, но камень не подтверждал их и не опровергал. Он просто оставался камнем, пока исследователь не находил способ задать ему правильный вопрос.

К полудню работа принесла небольшой, но существенный результат. Чёрная полоса, обнаруженная в кладке накануне, уходила под соседний блок. Лейла перенесла на бумагу её направление и сравнила с рисунком четырёх окружностей.

— Посмотрите, — сказала она Кариму. — Если продолжить эту линию, она пересечёт крайнюю окружность.

— Возможно, это указатель.

— Возможно. Но я бы хотела знать, почему указатель изготовлен из вещества, которое заинтересовало физика больше, чем археолога.

Карим присел рядом. На бумаге всё выглядело гораздо яснее, чем на неровной поверхности древней плиты. Три окружности располагались вокруг четвёртой, а соединявшие их линии имели различную толщину.

— Вы полагаете, что перед нами не надпись, а чертёж?

— Я полагаю, что мы слишком долго пытаемся читать его как надпись.

Из лагеря позвали к обеду. Карим свернул лист, но Лейла забрала его и аккуратно уложила между страницами папки.

— Вы опять собирались положить его в карман.

— Там он был бы в безопасности.

— Вместе с вашим табаком и вчерашними квитанциями?

— Признаю, место не самое удачное.

После обеда профессор Фарук объявил, что ночные работы будут проводиться только на поверхности. Он не хотел подвергать людей опасности в недостаточно укреплённом раскопе. Махмуд Азиз, приехавший из Каира раньше Омара, выслушал распоряжение с заметным неудовольствием.

— Мы тратим деньги на наблюдение за стрелкой прибора, — сказал промышленник. — Между тем за этой стеной может находиться нетронутая гробница.

— Может, — согласился профессор. — А может находиться ещё одна стена. До тех пор, пока мы этого не выяснили, я не позволю ломать кладку.

— Вы всегда так осторожны?

— Только когда отвечаю за чужие жизни и египетские древности.

Махмуд ничего не ответил. Он прошёл к своему автомобилю, достал из него газету и устроился в тени.

Омар вернулся ближе к вечеру. Вместе с Набилем он выгрузил чувствительный гальванометр, катушки провода, сухие элементы, компасы и несколько деревянных штативов. Последним из ящика появился небольшой фотоаппарат.

— Для чего он вам? — спросил Самир.

— Пока не знаю. Но если стрелка вздумает светиться, у меня будет доказательство.

— Если стрелка вздумает светиться, я посоветую вам отойти подальше.

Инженер рассмеялся и принялся за работу.

Гальванометр установили у края раскопа и соединили проводами с двумя точками чёрной полосы, Отдельный пункт наблюдения с компасом устроили на открытом месте, в стороне от лагеря. Омар хотел отделить местное явление от возможных изменений магнитного поля, охватывавших всё плато. Набиль проверил соединения, а Карим записал время по карманным часам. Для точной фиксации времени они заранее сверили свои часы с профессорскими.

С наступлением сумерек пустыня быстро остывала. Дневной шум исчез. Рабочие ушли, над палатками поднялся запах жареного лука, и только издалека доносился собачий лай.

В половине девятого Омар записал первые результаты. При замыкании цепи через гальванометр между двумя точками чёрной полосы по-прежнему обнаруживался слабый ток.

— Поверхность остывает, а показания почти те же, — сообщил он. — Значит, простое объяснение нагревом становится менее убедительным.

— Почти? — переспросила Лейла.

— Именно. В науке это слово иногда важнее целой стра-

ницы рассуждений.

В девять часов стрелка гальванометра дрогнула. Омар наклонился к шкале. Через несколько секунд она вернулась к прежнему положению.

— Запишите время.

Карим записал.

Через четыре минуты явление повторилось. На этот раз стрелка отклонилась в противоположную сторону.

Омар отсоединил провода от исследуемого участка и проверил прибор. Набиль подал ему запасной элемент. Инженер убедился, что измерительная цепь исправна, после чего восстановил соединение.

— Проверка прибора не исключает внешней помехи, но неисправности в самой цепи я пока не обнаружил, — объяснил он профессору. — Источника тока я пока не вижу.

— В Каире есть электрические станции, — заметил Махмуд.

— Разумеется. Поэтому Юсуф сидит со вторым компасом вдали от нас. Утром сравним записи.

В этот момент Халед, стоявший возле палатки охраны, негромко окликнул Карима.

— Господин Мансур! Посмотрите на пирамиду.

На тёмном склоне Великой пирамиды, значительно выше основания, виднелась бледная точка. Она не двигалась, как фонарь человека, поднимающегося по каменным уступам, и не мерцала, как пламя.

Карим взял полевой бинокль. Свет был слаб, почти неразличим. Ему показалось, что он исходит из щели между двумя блоками.

— Там кто-нибудь работает?

— Ночью? — удивился Халед. — Никого не должно быть.

Точка исчезла прежде, чем Карим успел передать бинокль профессору.

— Может быть, отражение, — сказал Фарук.

— От чего?

— Это и предстоит выяснить.

Омар попросил всех выключить электрические фонари. Набиль погасил лагерную лампу. В темноте отчётливо выступили силуэты пирамид. Над ними сияли звёзды, а вдали, в направлении Каира, лежало слабое зарево города.

Минуту ничего не происходило. Затем у основания пирамиды Хефрена показался короткий голубоватый отблеск. Лейла увидела его первой.

— Теперь там!

Омар не успел поднять голову: стрелка прибора резко ушла вправо. Он немедленно разомкнул измерительную цепь, опасаясь повредить чувствительный механизм.

— Никому не приближаться к кладке, — распорядился он.

Махмуд поднялся со складного стула.

— Вы хотите сказать, что внутри пирамид есть электричество?

— Я хочу сказать, что мой прибор только что зарегистрировал изменение тока. Всё остальное пока предположения.

Промышленник посмотрел на пирамиду, словно впервые увидел в ней не памятник древности, а сооружение, обладавшее неизвестной ценностью.

В лагерь вернулся Юсуф. Его лицо выражало раздражение.

— Кто из вас подавал сигналы фонарём?

— Никто, — ответил Карим.

— Тогда у меня для вас новость. Возле Сфинкса что-то светилось. Я подумал, что это Халед.

Омар забрал его записную книжку. В ней были отмечены два небольших отклонения компаса и время появления света. Сопоставив записи, инженер нахмурился.

— По нашим записям разница меньше минуты. Точнее мы пока судить не можем.

— Значит, явления связаны? — спросила Лейла.

— Значит, у нас есть основание проверить такую возможность.

Профессор приказал продолжать наблюдения, не касаясь камней. Самир принёс чай. Никто не жаловался на холод, хотя ночной ветер уже заставлял людей плотнее запахивать куртки.

Карим заметил, что Лейла смотрит не на пирамиды, а на собственный чертёж.

— Что вы ищете?

— Порядок. Если огни появляются в определённой последовательности, рисунок может оказаться полезным.

— Вы считаете, что окружности обозначают пирамиды?

— Их четыре, Карим. Пирамид, о которых мы говорим, три.

— А четвёртая?

— Не знаю.

Она произнесла это без досады. Кариму нравилось в ней именно такое отношение к неизвестному: Лейла не пыталась заполнить пробел красивой догадкой только потому, что пробел мешал закончить рассуждение.

К десяти часам приборы перестали регистрировать заметные отклонения. Омар предложил повторить опыт с другим прибором, но профессор настоял на перерыве. Измерения продолжили лишь после проверки всех проводов и соединений.

Ближе к полуночи из раскопа донёсся негромкий звук. Он напоминал далёкое гудение натянутой струны. Мустафа, оставшийся помогать исследователям, приложил ладонь к деревянной стойке навеса.

— Дрожит, — сказал он.

Омар проверил стойку. Слабая вибрация действительно ощущалась, но установить её источник было невозможно. Инженер записал наблюдение и попросил Мустафу отойти.

Вслед за звуком на расчищенной поверхности кладки возникла тонкая светлая черта. Она проходила вдоль чёрной

полосы, исчезая под соседним блоком. Свет продержался несколько секунд. Карим успел увидеть, как он постепенно ослабел от одного конца к другому.

Никто не произнёс ни слова.

Затем Самир кашлянул.

— Надеюсь, господа, вы не собираетесь сейчас спускаться туда.

— Нет, — ответил профессор. — Сегодня мы достаточно увидели.

Махмуд возразил, что явление может больше не повториться, но Фарук был непреклонен. Омар поддержал его: прежде чем снова подключать приборы, следовало оценить возможную разность потенциалов между точками кладки.

Лейла попросила лишь разрешения зарисовать положение светящейся линии с безопасного расстояния. Карим держал фонарь, пока она наносила последние штрихи. Когда работа была закончена, они поднялись к лагерю.

— Знаете, — сказал он, — ещё неделю назад я был уверен, что приеду сюда изучать надписи.

— А теперь?

— Теперь мне кажется, что надписи изучают нас.

Лейла усмехнулась.

— Не говорите этого Омару. Он потребует доказательств.

У палаток их ждал профессор. Он разложил на столе план участка и попросил Лейлу показать место последнего свечения. Она приложила свой чертёж к плану. Карим отметил

направление чёрной полосы.

Линия уходила к участку кладки, который ещё не был полностью освобождён от песка.

— Завтра расчистим его, — решил Фарук. — Без ударных инструментов. И прежде всего проверим устойчивость стены.

Махмуд хотел что-то сказать, но профессор свернул план.

— До утра, господа.

Когда Карим вышел из палатки, Халед встретил его у ограды.

— Двое незнакомцев пытались пройти к раскопу. Я отослал их, но через некоторое время они появились у западной стороны.

— Что им было нужно?

— Сказали, что заблудились. Но оба слишком внимательно разглядывали караульный пост.

— Вы их знаете?

— Нет. Я проводил их за пределы участка.

Карим посмотрел в темноту, но дорога была пуста. Халед пообещал записать приметы незнакомцев в журнал охраны.

Омар остался у стола. Он переписал показания приборов, отдельно перечислил свидетельства очевидцев и подчеркнул два слова: «источник неизвестен». Ему не хотелось, чтобы через несколько дней собственная память превратила слабые отблески в ослепительные вспышки, а едва заметное движение стрелки — в доказательство невероятной гипотезы.

Карим вышел из палатки последним. Пустыня лежала неподвижно. На фоне звёзд три пирамиды казались такими же безмолвными, какими были на протяжении всей известной ему истории.

Но теперь он знал, что их молчание обманчиво.

Утром им предстояло исследовать каменную кладку, за которой, возможно, находился ответ на вопрос, поставленный этой ночью.

Глава 6. За каменной дверью

Мустафа пришёл к палатке профессора ещё до восхода солнца. В одной руке он держал свёрнутый кусок холста, в другой — чайник, от которого поднимался пар.

— Господин профессор, мои люди хотят знать, за что им сегодня будут платить.

Фарук оторвался от плана.

— За то же, за что и вчера. За работу.

— Вчера земля светилась. Обычно она этого не делает.

— Вы сами видели свет?

— Нет. Но трое моих рабочих видели. Один уже собирается домой.

Профессор подвинул свободный стул и попросил Мустафу сесть. За долгие годы раскопок он усвоил, что страх, оставленный без внимания, способен остановить экспедицию гораздо вернее, чем отсутствие денег или поломка оборудования.

— Сегодня мы будем убирать песок у стены. Никаких подземных работ. Если Омар обнаружит опасность, мы немедленно остановимся.

— Это я могу передать людям, — согласился Мустафа. — А вот объяснять им, почему камни загораются ночью, предоставлю вам.

Он развернул холст. Внутри лежали деревянные лопатки,

которые рабочие изготовили по распоряжению профессора. Фарук осмотрел их и одобрительно кивнул.

К семи часам возле кладки уже натянули полотняный навес. Юсуф установил мерную рейку, Карим принёс журнал раскопок, а Лейла устроилась за небольшим складным столом с чертежом, сделанным накануне. Омар, которому удалось поспать не более двух часов, появился последним. Под мышкой он нёс деревянный ящик с приборами.

— Выглядите так, будто провели ночь в вагоне третьего класса, — заметил Юсуф.

— В вагоне хотя бы можно закрыть глаза. У меня стрелка гальванометра двигалась всякий раз, когда я пытался это сделать.

— И что же она вам сообщила?

— Что я недостаточно хорошо понимаю собственные приборы.

Омар выбрал место для измерений и попросил рабочих оставить металлические инструменты за пределами навеса. Карим тем временем осмотрел поверхность стены. При дневном свете чёрная полоса, светившаяся ночью, казалась обыкновенной прожилкой в камне. Только её удивительная прямизна выдавала искусственное происхождение.

Работа началась с верхней части кладки. Песок снимали тонкими слоями, складывая найденные обломки керамики в отдельные корзины. Каждый предмет получал номер. Фарук не позволял торопиться даже там, где слой казался со-

вершенно бесполезным.

К полудню открылась поверхность большого известнякового блока. На первый взгляд он ничем не отличался от соседних. Однако по обеим сторонам блока тянулись узкие вертикальные швы.

— Юсуф, дайте отвес, — попросил Карим.

Измерения показали, что оба шва были вертикальными и параллельными. Расстояние между ними составляло немного больше двух метров.

Лейла приложила к камню лист тонкой бумаги и мягким карандашом перенесла на него контуры нескольких знаков, обнаруженных возле правого шва.

— Здесь работали два мастера, — сказала она.

— Почему два?

— Посмотрите на глубину резьбы. Верхние знаки выбиты обычным резцом. Нижние почти не имеют следов инструмента. Кроме того, верхняя надпись обрывается у края чёрной полосы. Её автор явно не хотел повреждать то, что уже существовало.

Карим присел рядом.

— Значит, египетская надпись появилась позднее?

— Возможно. Пока это всё, что я готова утверждать.

Он улыбнулся.

— Вы становитесь похожи на Омара.

— Надеюсь, только в научных вопросах.

Из-за навеса донёсся голос Махмуда Азиза. Промышлен-

ник прибыл из Каира в сопровождении Халеда. Несмотря на жару, его костюм сохранял безукоризненный вид.

— Господа, мне сообщили, что вы нашли дверь.

— Мы нашли два шва, — поправил профессор.

— Два шва, за которыми может оказаться дверь. Согласитесь, это уже немало.

Махмуд подошёл к стене и протянул руку к чёрной полосе. Омар перехватил его запястье.

— Не трогайте.

— Я всего лишь хотел посмотреть.

— Для этого достаточно глаз.

Промышленник медленно убрал руку. Карим заметил, что Халед внимательно следил не за спорящими, а за рабочими, выносившими корзины с песком.

Фарук объявил перерыв. Пока люди обедали, он вместе с Каримом и Юсуфом обследовал кладку выше предполагаемого проёма. Камни не имели заметных смещений, но профессор всё равно распорядился поставить деревянные подпорки там, где удаление песка могло лишить рыхлые обломки опоры.

— Если это дверь, — сказал Юсуф, — каким образом её открывали?

— Сначала выясним, действительно ли это дверь.

Карим провёл кистью по нижней части блока. Под песком обнаружилась ещё одна чёрная линия. Она соединяла вертикальные швы, образуя прямоугольник.

Юсуф негромко присвистнул.

— Теперь у нас три шва. Махмуд будет счастлив.

Омар установил компас на деревянной подставке. Вдали от стены стрелка занимала обычное положение. При приближении к правому краю блока она отклонялась, но у левого края поворачивалась в противоположную сторону.

— Любопытно, — пробормотал инженер. — Здесь не один источник возмущения.

Он повторил опыт несколько раз, меняя высоту прибора. Затем попросил Набиля принести второй компас. Результаты совпали.

— Может быть, за стеной лежат куски магнитной руды? — предположил Карим.

— Не исключено. Но это не объясняет вчерашнего свечения. Не будем смешивать две загадки, пока не доказано, что они имеют общую причину.

После перерыва рабочие продолжили расчистку. У основания блока показалась ровная площадка, вырубленная в скале. На ней не было ни углублений для петель, ни следов волочения тяжёлого камня.

Юсуф лёг на живот и осветил нижний шов карманным фонарём.

— Здесь что-то блестит.

Он достал из кармана небольшое зеркало, направил отражённый свет в щель и позвал Карима. В глубине шва виднелась гладкая тёмная поверхность.

— Металл? — спросил Юсуф.

— Пусть Омар решает.

Инженер осмотрел находку, но от попытки извлечь образец отказался. Щель была слишком узкой, а любое повреждение могло уничтожить важное свидетельство устройства кладки.

Лейла тем временем закончила копирование надписи. Она долго сравнивала знаки с записями в своей тетради, затем позвала профессора.

— Здесь говорится о хранителе. Следующая группа повреждена, но я различаю слово, которое может обозначать проход. А в конце — запрещение.

— Запрещение входить?

— Не обязательно. Возможно, запрещение нарушать установленный порядок. Мне нужно больше текста.

Махмуд, услышавший разговор, рассмеялся.

— Как предусмотрительно. Древние люди знали, что однажды сюда придут археологи.

— Они прекрасно знали, что гробницы грабят, — сухо ответила Лейла. — Для этого им не требовалось предвидеть наше появление.

К вечеру расчистка была завершена. Теперь перед исследователями возвышалась прямоугольная плита, окружённая непрерывной тёмной полосой. Справа от неё, на высоте человеческого плеча, находилось небольшое углубление, прежде скрытое песком.

Карим осторожно удалил из него последние крупинки мягкой кистью. На дне проступил рисунок из трёх коротких черт и окружности.

Лейла принесла свои копии.

— Тот же знак встречается внизу. Только здесь окружность замкнута.

— Может быть, это обозначение замка?

— Или имени. Или числа. Не заставляйте меня переводить неизвестный язык за пять минут.

Карим отступил, освобождая ей место. В этот момент Омар, находившийся у приборов, резко поднял голову.

— Никому не двигаться.

Стрелка гальванометра отклонилась. Через несколько секунд она вернулась к нулю, затем снова совершила такое же движение.

— Кто-нибудь прикасался к стене?

— Только кистью, — ответил Карим.

Омар посмотрел на часы. Следующее отклонение произошло через равный промежуток времени.

— Это повторяется. Набиль, запишите время.

Рабочие отошли от навеса. Мустафа остался возле профессора, хотя по выражению его лица было видно, что он предпочёл бы находиться в другом месте.

В углублении на стене появился слабый голубоватый свет. Он почти не освещал окружающий камень и был заметен лишь благодаря тени от полотняного навеса.

Махмуд сделал шаг вперёд.

— Вот теперь, профессор, вы не станете отрицать, что перед нами механизм?

— Я не стану отрицать, что мы видим свет. Отойдите.

Сияние погасло. Спустя несколько секунд из глубины кладки донёсся короткий звук, напоминавший движение тяжёлой металлической детали.

Юсуф поднял фонарь.

— Слышали?

Никто не ответил. Все смотрели на плиту.

Она оставалась неподвижной.

Фарук велел прекратить работу и вывести людей за пределы участка. Махмуд возразил, но профессор напомнил ему, что разрешение на раскопки выдано экспедиции, а не её финансисту.

— Вы можете распоряжаться своими деньгами, Азиз. Моими рабочими распоряжаюсь я.

Промышленник побледнел, однако спорить при свидетелях не стал.

У палаток Омар разложил записи. Равные промежутки между отклонениями стрелки указывали на периодические изменения тока в измерительной цепи. Он не мог установить, зависело ли это от времени суток, удаления песка или присутствия людей.

— Завтра проверим, — сказал профессор.

— Завтра? — удивился Махмуд. — А если к утру всё ис-

чезнет?

— Тогда мы потеряем наблюдение, а не человека.

Самир, до сих пор занимавшийся обычными недомоганиями рабочих, поддержал решение. Он предложил приготовить верёвки, запасные фонари и прибор для отбора проб воздуха на случай, если за плитой действительно окажется полость.

— И не рассчитывайте, что я полезу туда первым, — добавил врач. — Моя профессия заключается в том, чтобы вытаскивать людей из неприятностей, а не искать их.

После ужина Карим обнаружил Лейлу у стола с чертежами. Она переставляла листы, пытаясь совместить изображения знаков.

— Вы не собираетесь спать?

— Собираюсь. Как только перестану видеть эту окружность даже с закрытыми глазами.

Он поставил рядом чашку чая.

— Что вас беспокоит?

— Не надпись. То, как она расположена. Египетские знаки словно объясняют назначение более древних символов. Если это так, люди, вырезавшие их, сами имели дело с чем-то, чего не создавали.

— Смелое предположение.

— Поэтому я не внесла его в журнал.

Карим посмотрел на листы. Ему хотелось возразить, но он не нашёл убедительного довода.

— Мой отец, — неожиданно сказала Лейла, — считал, что археолог должен уметь отличать желание найти истину от желания оказаться правым. В детстве я думала, что это одно и то же.

— А теперь?

— Теперь я работаю с вами и окончательно убедилась в обратном.

Карим рассмеялся. За пределами палатки уже наступила темнота, и от пустыни потянуло прохладой.

На рассвете следующего дня экспедиция вернулась к стене. Омар обнаружил, что стрелки приборов почти не отклоняются. Голубое свечение исчезло.

Карим заметил изменение первым. В правом углублении, где вчера виднелась окружность, выступала небольшая гладкая пластинка. Она не была похожа на камень и слегка возвышалась над окружающей поверхностью.

— Вчера её не было, — сказала Лейла, сверившись с рисунком.

Профессор разрешил осмотр, но запретил нажимать на пластинку. Омар приблизил к ней компас. Стрелка повернулась и замерла.

— Любопытно. Поле теперь устойчивое.

В этот момент снаружи послышался скрип. Мустафа, стоявший у подпорок, указал на нижний край плиты. Из шва высыпалась тонкая струйка песка.

Фарук приказал всем отойти. Рабочие успели покинуть

площадку, когда плита дрогнула. Сначала её движение было едва различимо. Затем между камнем и правой стеной появилась щель шириной в палец.

Никаких цепей, рычагов или вращающихся колёс исследователи не увидели. Плита медленно уходила в сторону, скрываясь в толще кладки. Движение сопровождалось низким гулом, который ощущался скорее как дрожь под ногами, чем как звук.

Через полминуты гул прекратился.

Перед ними открылся тёмный прямоугольный проход.

Никто не произнёс ни слова. Даже Махмуд, столько раз требовавший ускорить раскопки, стоял неподвижно.

Из проёма потянуло прохладным воздухом. Карим направил луч фонаря внутрь. Свет упал на гладкий пол и стены из материала, напоминавшего серый гранит. В нескольких метрах от входа начинались ступени.

— Не гробница, — тихо произнёс Юсуф.

— Откуда вы знаете? — спросил Самир.

— Не знаю. Просто никогда не видел гробницы с дверью, которая сама открывается перед посетителями.

Профессор велел оградить проём и назначил дежурных. Он не позволил никому переступить порог. Сначала следовало обследовать вход, подготовить оборудование и получить разрешение Службы древностей на предварительный спуск. Состав воздуха предстояло проверять по мере продвижения.

Махмуд отвёл Халеда в сторону. Карим не расслышал их

разговора, но заметил, как начальник охраны посмотрел на дорогу в Каир.

Лейла стояла возле открывшегося прохода и сравнивала его очертания с чертежом. На внутренней стороне косяка она обнаружила ещё одну надпись, которую прежде скрывала плита.

— Карим, посмотрите.

Знаки были вырезаны неглубоко и сильно отличались от правильных геометрических фигур на чёрной полосе. Здесь рука древнего мастера оставила вполне узнаваемые египетские иероглифы.

Лейла прочла их не сразу. Дважды вернулась к началу строки, поправила одну из записей и наконец произнесла:

— «Да останется путь закрытым, пока хранитель не возвратится».

— Возвратится откуда?

— Этого здесь нет.

Карим взглянул на ступени. Они спускались под скалу в направлении, которое невозможно было определить с поверхности. За пределами луча фонаря царила полная темнота.

Фарук подошёл к ним с журналом, записал время открытия прохода и распорядился немедленно известить инспектора. Затем закрыл книгу.

— Господа, сегодня мы закончили раскопки. Если инспектор даст согласие, завтра начнётся исследование.

Над плато поднималось солнце. На дороге к Сфинксу появлялись первые посетители, погонщики верблюдов окликали друг друга, а вдалеке звенели колокольчики ослиных упряжек. Египет жил своим обычным утром.

В скале неподалёку от древнего исполина тем временем впервые за многие столетия оставалась открытой дверь, которую никто из живущих не умел ни открыть по собственной воле, ни закрыть.

Часть II. Город под пирамидами

Глава 7. Спуск в неизвестность

К пяти часам утра возле Сфинкса собрались люди, которым предстояло провести первый день под землёй. Набиль проверял электрические фонари, Самир укладывал в кожаную сумку перевязочный материал, а Юсуф, сидя на перевёрнутом ящике, отмерял размеченный шнур. Профессор Фарук не позволил взять с собой ничего, что могло повредить древние сооружения.

Накануне вечером инспектор Службы древностей подтвердил разрешение на предварительный спуск при условии, что экспедиция не будет разбирать конструкции и немедленно прекратит работу при первых признаках опасности.

— Даже молоток? — спросил Юсуф.

— Особенно молоток. Если встретится препятствие, сначала выясним, зачем оно там поставлено.

— В таком случае возьму карандаш. Им ещё никто не пробивал стен.

— Вы способны и на это, — заметил Омар, застёгивая футляр компаса.

Карим подошёл к раскрытому проходу. За ночь на верхней ступени осел тонкий слой песка. Он ожидал увидеть на нём следы ночных посетителей, но песок оставался нетронутым. Дежуривший Мустафа подтвердил, что никто не спускался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.